

/s

Елена К.

«Чай, карри и дедлайн»

<https://litres.ru/74439724>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Чай, карри и дедлайн»: когда плов — это семья, а кот — соуправитель

В уютном ресторане «Золотой казан» жизнь кипит не только в казане — она варится из мелочей: из пара над пловом, из тишины, в которой слышно мурчание кота, из слов, сказанных вовремя (или вовсе не сказанных). Здесь дед Рустам готовит не просто еду — он варит честность, а рыжий кот Бахтияр без лишних слов решает, кто достоин остаться в этой семье.

Амир, Дина, Камола, Фарход и другие герои учатся главному: что настоящий вкус рождается не из специй, а из заботы, терпения и умения быть рядом. Пока конкуренты делают «быстрый плов» в микроволновке, в «Золотом казане» считают не охваты, а промывки риса — и знают: хорошее дело не терпит суеты.

«Плов — это не еда. Плов — это честность, которая пахнет» — эта фраза деда Рустама становится девизом не только ресторана, но и всей книги: тёплой, ироничной, по-домашнему мудрой и невероятно вкусной.

Содержание

Все главы.	4
Глава 1. Кот, который не ест на камеру	5
Глава 2. Дама с боксом	15
Глава 3. Дед против алгоритмов	20
Глава 4. Первый рилс, или Как Бахтияр стал звездой	26
Глава 5. Дина возвращается	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Елена К.

«Чай, карри и дедлайн»

Все главы.

Глава 1. Кот, который не ест на камеру

Амир открыл приложение, обновил страницу, обновил ещё раз, вздохнул и обновил третий раз — на всякий случай, вдруг счётчик сломался.

«Охват 37 человек. Тридцать семь. В зале у нас больше».

Он пересчитал. Нет, тридцать семь. Один из них — дед, который подписался, потому что Амир поставил ему приложение силой. Второй — сосед по подъезду, который подписался из жалости. Остальные тридцать пять — загадка, которую Амир не мог разгадать уже четвёртый месяц.

Амиру было двадцать восемь лет. Он был SMM-специалистом, контент-мейкером, сторитейллером и, по дедушкиному определению, «человеком, который смотрит в телефон и думает, что работает». У него был диплом маркетолога, сертификат «Google Digital Garage» и фартук с надписью «Content is king, plov is emperor», который он сам заказал на маркетплейсе и который дед отказался носить.

Амир работал — если это можно так назвать — в чайхане «Золотой казан». Чайхана принадлежала семье: дед готовил, мама считала, отец закупал, а Амир... Амир «занимался продвижением». Это означало, что он сидел в правом углу зала — единственном месте, где ловил Wi-Fi — и публико-

вал сторис, которые смотрели тридцать семь человек, включая деда.

В этот момент из кухни вышел дед.

Рустам-ака. Семьдесят один год, рост метр шестьдесят, объём — как у казана, который он обслуживал. Руки — как у пианиста, только пианист играет на рояле, а дед — на казане. Глаза — маленькие, цепкие, как у орла, который высматривает мышь, но мышь — это Амир, а орёл — это дед, и мышь каждый раз понимает, что орёл прав.

В одной руке дед держал половник. В другой — телефон Амира.

— Ты опять пицеш «ароматный плов»? — рявкнул дед так, что с потолка посыпалась штукатурка, которая сыпалась каждый раз, когда дед повышал голос, то есть регулярно.

— Ароматный — это когда пахнет на три улицы. А у тебя пахнет как «промокод на скидку». «Ароматный» — это слово, которое пишут на коробках с едой из микроволновки. Ты что, микроволновка?

— Это маркетинг, дед. Эмоциональный язык бренда.

— Эмоциональный язык бренда — это когда гость приходит, ест и плачет от счастья. А не когда ты пицеш «ароматный» и ставишь три эмодзи. Эмодзи — это не зира, Амир. Зира делает плов. Эмодзи делает смех.

— Дед, ты даже знаешь слово «эмодзи»?

— Я знаю слово «бессмыслица». Это синоним.

Амир потянулся за телефоном, но дед поднял его выше.

Для человека семидесяти одного года с объёмом казана он двигался с неожиданной ловкостью — как ниндзя, который тренировался на рисе и баранине.

— Сегодня ты делаешь плов. По-настоящему. Без фильтров. Без хештегов. Без... как это... сторис.

— Дед, у меня контент-план. Мне нужно опубликовать три поста до обеда, иначе алгоритм...

— Алгоритм? Алгоритм — это когда лук золотистый, мясо мягкое, рис рассыпчатый. Это единственный алгоритм, который я знаю. И он работает пятьдесят лет.

— Дед...

— У меня тоже контент-план: ты, половник и казан. Начинаем через десять минут. И без телефона.

— Но...

— Без. Телефона.

Амир посмотрел на деда. Дед посмотрел на Амира. В этих взглядах встретились два мира: мир, в котором успех измеряется лайками, и мир, в котором успех измеряется чистыми тарелками. Оба мира были уверены, что другой — иллюзия.

Через десять минут Амир стоял у казана в фартуке с надписью «Я люблю чайхану» (это был дедов фартук, и Амир надел его с чувством человека, которого одели в форму перед судом). Казан был огромный, чёрный, закопчённый, с историей — его купил ещё прадед в Ташкенте в шестьдесят третьем году, и с тех пор он не мылся ни разу (дед утверждал, что «казан моют — вкусом смывают»).

— Сначала масло, — диктовал дед, стоя за спиной Амира, как сержант за новобранцем. — Растительное, потом хлопковое. Не лей много. Масло — это не лайки, больше не значит лучше.

Амир налил масло. Масло зашипело, как дедовы комментарии.

— Теперь лук. Режь. Ровно. Не как твои сторис — криво и с обрезанными краями.

Амир резал лук. Плакал. Не от эмоций — от лука, но дед не делал различий.

— Плачешь? Хорошо. Настоящий повар плачет над луком, а не над охватами. Давай, ещё. Золотистый, не чёрный. Не как твои сторис.

— Дед, ты что, запомнил слово «сторис»?

— Я запоминаю всё, что считаю нелепым. У меня хорошая память на нелепости.

Амир покосился на казан и прошептал:

— Если я сожгу лук, я хотя бы смогу снять тренд «когда всё пошло не так».

— Если сожжёшь лук, тренд будет «когда внук перестал быть SMM-щиком». И это будет не тренд, а благотворительность. Для общества.

Лук стал золотистым. Амир почувствовал странное ощущение — что-то между гордостью и голодом. Это было новое чувство: он сделал что-то руками, и это получилось. Не в интернете, а в жизни. Непривычно.

— Теперь мясо, — скомандовал дед. — Нарезай кубиками. Не слишком мелко, не слишком крупно. Как... как...

— Как контент-план?

— Нет. Контент-план у тебя мелкий и расплывчатый. Мясо должно быть чётким. Кубик — два сантиметра. Ровно. Я проверю линейкой.

— У тебя есть линейка?

— У меня есть глаз. Он точнее любой линейки. И любой аналитики.

Мясо отправилось в казан. Потом — морковь. Дед объяснял каждый шаг с такой серьёзностью, как будто передавал не рецепт, а государственную тайну.

— Морковь — жёлтая, не оранжевая. Оранжевая — для супа. Жёлтая — для плова. Если кто-то кладёт оранжевую морковь в плов — это не плов, это самозванец.

— А если кто-то кладёт эмодзи в пост про плов?

— Это тоже самозванец. Но цифрового масштаба.

Рис. Дед достал рис из мешка, который стоял в углу кухни с надписью «Дев-зира, не трогать, это для плова, а не для ваших экспериментов». Последняя часть была обращена к Амиру.

— Промой. Три раза. Не два, не четыре. Три. Как... как...

— Как три поста в день?

— Нет. Как три раза «нет», когда ты предлагаешь мне снять рилс. Три — это число совершенства. В плове и в отказах.

Амир промыл рис. Вода стала прозрачной. Он испытал странное удовлетворение — как когда пост собирает лайки, только без поста, без лайков и без интернета. Просто чистый рис и чистая вода.

— Зира, — сказал дед. — Разотри в ладонях. Почувствуй запах. Вот это — ароматный. Не на бумаге. В носу. Запах — это честность. Он не врёт. Не как охваты.

Амир растёр зиру. Запах ударил в нос — тёплый, пряный, тяжёлый, как дедовы аргументы. Он понял, что дед прав. Этот запах не опишешь словом «ароматный». Этот запах описывается одним словом: «плов».

Именно в этот момент на кухню величественно вошёл Бахтияр.

Бахтияр — это кот. Рыжий, с брюхом, которое само по себе заслуживало звезды Michelin, и взглядом ресторанного критика, которому принесли макарку вместо фуа-гра. Он был рыжий не как закат над пустыней, а как солнце над горячим асфальтом — то есть безжалостно и повсеместно. Его шерсть была такой яркой, что в тёмной кухне можно было читать. Его усы были такой длины, что, казалось, измеряли не расстояние, а степень кулинарного преступления. Его хвост был толстый, пушистый и работал как регулятор громкости: когда хвост поднят — всё в порядке, когда опущен — катастрофа, когда дёргается — кто-то принёс плохую еду и сейчас узнает об этом.

Бахтияр прыгнул на стойку. Стойка слегка прогнулась —

не от веса (хотя вес был внушительный), а от авторитета. Кот понюхал казан. Понюхал ещё раз. Повернул голову. Понюхал воздух слева. Потом справа. Потом отвернулся.

Это было не просто движение. Это был вердикт. Это был приговор. Это был отзыв, который не нуждался в звёздах, лайках или комментариях. Бахтияр отвернулся — значит, плов не прошёл.

— Вот, — сказал дед с удовлетворением, как врач, которому подтвердили диагноз. — Бахтияр не ест — значит, плов невкусный.

— Дед, это кот. Он, может, не голоден. Или у него настроение. Или он обиделся, потому что я вчера наступил ему на хвост.

— Ты наступил Бахтияру на хвост?! — дед посмотрел на Амира так, как будто тот осквернил храм. — Наступить на хвост Бахтияру — это как... как...

— Как написать «ароматный плов»?

— Хуже. Это как разбить казан. Бахтияр помнит. Он всё помнит. Он злится три дня. Сегодня второй день. Но он отвернулся не от обиды. Он отвернулся от плова. Если бы он злился, он бы отвернулся и от мяса. А мясо он нюхал. И не отвернулся.

— Ты что, ведёшь протокол дегустаций кота?

— Я веду протокол качества. Бахтияр — главный инструмент. Бахтияр всегда голоден. Он отказался от еды только трижды за четыре года: когда ты сжёг суп, когда ты налил в

чай кардамон вместо корицы и когда ты сделал «авторский лагман». Запомни: если Бахтияр отвернулся — выбрасывай. Если Бахтияр зевнул — улучшай. Если Бахтияр лёг и закрыл глаза — это шедевр.

— Может, заведём инстаграм Бахтияра? — предложил Амир, которому в голову пришла очередная идея, которую дед назовёт «цифровой болезнью». — «Кот-критик». Оценки лапой. Одна лапа — плохо, пять лап — шедевр. Хештег #бахтиярсказалнет.

— Если Бахтияр узнает, что ты его снимаешь, он тебе ноутбук сожрёт. А потом сядет на него и будет спать, как ни в чём не бывало.

— Дед, коты не мстят.

— Бахтияр — не кот. Бахтияр — инстанция. Он не мстит — он восстанавливает справедливость. Помнишь, как он скинул твою кружку со стола? Ты забыл покормить его утром. Кружка разбилась. Справедливость восстановлена.

Амир посмотрел на кота. Кот посмотрел на Амира. В глазах кота читалось: «Ты опять здесь? И опять с телефоном? Сколько можно?»

Бахтияр зевнул, демонстрируя клыки размером с Амировы амбиции (и примерно с такой же вероятностью их реализации), и ушёл. Но перед уходом обернулся, понюхал казан ещё раз и.... остался. Сел. Не отвернулся.

— Ну вот, — сказал дед. — Вторая попытка. Он принимает. Но без энтузиазма. Работай.

Амир добавил зиру, перемешал, накрыл крышкой. Через сорок минут — по дедовому таймеру, который был единственным прибором на кухне, кроме самого казана, — плов был готов.

Дед снял крышку. Пар поднялся к потолку. Запах наполнил кухню, затем коридор, затем зал, затем улицу. Амир подумал, что этот запах — лучший контент, который он когда-либо создавал. Жаль, что его нельзя загрузить в сторис.

Бахтияр подошёл, понюхал, и — впервые за день — лизнул. Один раз. Коротко. Как дегустатор, который не хочет показывать эмоции, но не может сдержать профессиональный интерес.

— Ну вот, — сказал дед. — Бахтияр принял. Можешь гордиться. Но не слишком. Гордость — это как соль: немного — хорошо, много — невкусно.

Амир посмотрел на свои руки. Пахли зирой, луком, маслом. Не санитайзером, не клавиатурой, не чехлом от телефона. А едой. Настоящей.

Он подумал: «Может, дед и прав. Может, не всё измеряется охватами».

Но вслух сказал:

— Дед, а если я сниму этот плов и напишу не «ароматный», а «Бахтияр одобрил»?

Дед помолчал. Потом:

— «Бахтияр одобрил» — это честно. «Ароматный» — это реклама. Разница — как между пловом и картинкой плова.

Ладно. Снимай. Но Бахтияр — не в кадре. Он не подписывал контракт.

Бахтияр, услышав слово «контракт», повернул ухо. В его взгляде читалось: «Контракт? Где баранина? Я не работаю за просмотры».

Глава 2. Дама с боксом

Чайхана «Золотой казан» стояла на углу улицы Ленина и переулка, который не имел названия, но имел репутацию: здесь зимой не чистили снег, летом не чинили асфальт, а круглый год не светили фонари. Здание было старое, с лепниной, которая когда-то была белой, а теперь была цвета «восточная патина» — так Амир назвал бы этот оттенок в палитре для сторис. Дед называл его проще: «грязь».

На балконе сушились перцы — длинные, красные, как связки гирлянд на ёлке, только не праздничной, а кулинарной. Иногда рядом сушились дедовы носки, что создавало визуальный контраст, который Амир однажды снял для сторис с подписью «Островок Востока». Дед увидел, удалил и сказал: «Мои носки — не контент. Мои носки — личное».

Над входом висела вывеска. История вывески была отдельным романом: дед повесил деревянную — «Золотой казан», вырезанную вручную. Амир заменил её на неоновую, потому что «неон привлекает внимание». Дед вернул деревянную. Амир добавил неон. Дед снял неон. В итоге компромисс: «Золотой» горело неоном, «казан» было деревянным. Получалось «Золотой казан», где первое слово — из будущего, второе — из прошлого. Как семья.

Внутри — восемь столиков, пиала на стене (дедова гордость, привезена из Самарканда, и если кто-то трогал — дед

начинал дрожать, как казан на огне), ковёр ручной работы, который дед привёз из Самарканда в чемодане, перестелив через три границы, и Wi-Fi, который работал только если сесть ровно в правый угол и не шевелиться. Роутер висел на стене, и его сигнал был таким слабым, что Амир называл его «дед-вай-фай»: работал, когда хотел, как хотел и только для тех, кого уважал.

Амир сидел в правом углу и не шевелился.

Дверь открылась.

Вошла она.

Дина. Двадцать семь лет, в пальто поверх спортивного костюма — сочетание, которое кричало «я бегу, но красиво». Пальто было бежевое, спортивки — чёрные с надписью «No rain, no biryani» (Амир мысленно поставил лайк незнакомке за культурную отсылку). Бокс в руке — зелёный, как светофор, который ещё не решил, гореть ему или нет.

Лицо было... Как описать лицо, которое одновременно говорит «я опаздываю» и «никуда не хочу идти»? Оно было живым. Не красивым — живым. Красота бывает статичной, как картинка. Живость — динамичной, как видео. Дина была видео. В формате, который Амир не мог оценить лайком, но почувствовал чем-то большим, чем телефон.

— Это чайхана? — спросила она.

— Нет, это коворкинг с пловом, — ответил Амир, не отрывая глаз от телефона. Автопилот. Защитный режим. Когда ты не уверен в себе — шути. Когда не уверен в шутке

— шути ещё.

— Остроумно. Мне нужен обед. На вынос. И быстро. У меня встреча через двадцать минут, а я не ела с утра.

— Что будете?

— То, что готовится пять минут, вкусное и не разочаровывает.

— Вы описываете идеального мужчину, — сказал Амир и тут же пожалел. Рот сработал быстрее мозга. Бывает. У SMM-щиков это профессиональное — сначала сказать, потом подумать, потом удалить.

— Описываю плов, — ответила Дина без улыбки. Без тени улыбки. Без намёка на тень улыбки. — Мужчины готовятся дольше и чаще разочаровывают. Плов, по крайней мере, не обещает и не приходит.

— Острый удар. Уважаю.

— Я не быю. Я говорю. Бить — это лишняя работа.

Дед выглянул из кухни. Оценил ситуацию одним взглядом — так, как оценивают мясо: быстро, точно, без эмоций. Его глаза метнулись от Дины к Амиру, от Амира к Дине. Потом он исчез. Через секунду из-за двери послышался шёпот:

— Бахтияр. Иди сюда. Внук флиртует. Это надолго. Пошли на кухню, тут мясо нужно дегустировать.

Бахтияр не пошёл. Он спал под стойкой и сделал вид, что не слышал. Но ухо дёрнулось — значит, слушал.

Амир упаковал плов. Руки слегка дрожали — не от плова, от Дины. Он передал бокс и сказал:

— Приходите ещё. У нас Wi-Fi в правом углу и плов, который не разочаровывает.

— Wi-Fi только в правом углу?

— Как и моя уверенность в себе.

— Тебе нужно поднимать охваты. Свои и Wi-Fi.

— Я знаю. У меня тридцать семь подписчиков.

— Тридцать семь? У моей бабушки на даче пугало эффективнее. По крайней мере, вороны его боятся.

— Ваши тридцать семь — это одно число. Мои тридцать семь — это коллектив.

Дина забрала бокс. Её пальцы на секунду коснулись Амировых. Секунда — это мало. В формате сторис — это вообще ничего. В формате жизни — достаточно, чтобы что-то щёлкнуло.

Она ушла. Амир смотрел ей вслед. Бахтияр выглянул из-под стойки, посмотрел на Амира, потом на дверь, потом снова на Амира. В его взгляде впервые за весь день читалось не «ты безнадёжен», а «ну хоть что-то». Это был прогресс. Для Бахтияра — исторический.

— Дед! — крикнул Амир в сторону кухни. — Тут девушка приходила. С боксом.

— Я видел. Она красивая. А ты — нет. Пока.

— Спасибо, дед. Поддержка — это важно.

— Поддержка — это когда я тебя кормлю. А комплимент — это реклама. Я не занимаюсь рекламой.

Амир посмотрел на телефон. Охват 37. Но впервые за че-

тыре месяца ему было не всё равно на тридцать семь. Ему было всё равно на одного. На того, кто ушёл с зелёным боксом.

Глава 3. Дед против алгоритмов

На следующее утро дед собрал военный совет. Не потому, что утро было подходящее — оно было обычным, серым и холодным. А потому что накануне вечером позвонила владелица чайханы — женщина по имени Зульфия, которая владела зданием, но не владела ситуацией.

Зульфия была дальней родственницей — то есть человеком, который появляется, когда нужны деньги, и исчезает, когда они есть. Она жила в другом городе, носила очки с диоптриями и притворялась, что разбирается в ресторанном бизнесе, хотя последний раз готовила что-то сложнее яичницы в тысяча девятьсот... неважно.

— Рустам-ака, — сказала она по телефону. — Выручка падает. Аренда растёт. Нужно что-то делать. Если за два месяца не выйдем в плюс — я продаю помещение.

Дед положил трубку. Посмотрел на казан. Казан не ответил — казаны вообще молчаливы, но этот молчал особенно многозначительно.

Военный совет: стул для деда, стул для Амира, чайник с зелёным чаем, пиала с изюмом и Бахтияр на подоконнике — в качестве независимого наблюдателя, арбитра и морального авторитета.

— Итак, — начал дед, наливая чай с церемонностью посла, принимающего иностранную делегацию. — Хозяйка

звонила. Чайхана не закроется, если мы поднимаем выручку. Я предлагаю старый способ: вкусная еда и хороший сервис.

— Дед, это 2026 год. Вкусная еда и хороший сервис — это база. Это как дышать. Без этого умрёшь, но и жить только этим — скучно. Нам нужен охват. Вовлечённость. Контент-стратегия.

— Контент-стратегия? — дед подался вперёд, и стул под ним скрипнул, как будто соглашаясь с недоверием. — Когда Хасан-ака открывал чайхану в семьдесят втором году, у него не было стратегий. У него был казан, совесть и очередь до угла. Очередь, Амир. Живая. Не виртуальная.

— А сейчас очередь до угла — это потому, что асфальт не починили и люди не могут проехать.

— Не умничай. Что ты предлагаешь?

— Рилс. Трендовые звуки. Коллаборации. Может, блогера пригласим. Какого-нибудь food-блогера, который придет, поест, скажет «вау» — и все побегут.

— Блогера? — дед посмотрел на Бахтияра. Бахтияр зевнул. Синхронно. Как будто они репетировали. — Блогер — это человек, который ест бесплатно, говорит «вау» и уходит. У меня есть Бахтияр. Он ест бесплатно, молчит и остаётся. И честнее.

— Бахтияр не набирает просмотры.

— Бахтияр набирает вес. Это тоже показатель. Более честный, чем просмотры. Вес не накручивается.

— Накручивается, если кормить.

— Именно. Поэтому Бахтияр — это честная аналитика. Он растёт только от хорошей еды. Как выручка должна расти — от хорошей еды, а не от... рилс.

Амир вздохнул и открыл ноутбук. Ноутбук был старый, медленный и загружался с таким звуком, будто кто-то варил металл в казане. Как дед.

— Ладно. Вот план. Первое: мы запускаем серию видео «Плов в стиле...» — плов в стиле разных эпох. Плов в стиле Ренессанса, плов в стиле диско, плов в стиле киберпанк.

Дед молчал. Молчание было таким плотным, что Бахтияр перестал облизываться и наострил уши.

— Плов в стиле киберпанк — это что? — наконец спросил дед. Голос был ровный, но в нём слышался гул, как в казане перед закипанием. — Это что, с неоном внутри? С проводами? С какими-нибудь...

— Нет, это просто визуал. Неон, тёмный фон, казан светится...

— Казан не должен светиться. Казан должен дымиться. Дым — это душа. Неон — это дискотека. Ты хочешь, чтобы мой казан был дискотекой?

— Дед, я хочу, чтобы казан был контентом.

— Казан — это не контент. Казан — это казан. Если казан — контент, тогда и Бахтияр — контент, и я — контент, и ты — контент. А ты — не контент. Ты — внук. Это важнее.

— Ладно. Второе: мы делаем челлендж. «Один казан — один день». Снимаем весь процесс от нуля до подачи. Без

монтажа. Хронометраж. Реальное время. Чтобы люди видели, сколько на самом деле стоит плов.

— Без монтажа? — дед поднял бровь. — Ты показываешь, как ты режешь лук и плачешь? Как ты стоишь у казана сорок минут и не двигаешься? Как ты трижды промываешь рис? Кто будет это смотреть?

— Люди смотрят, как другие режут мыло. Цветной. Гладкий. Молча. Часами.

— ...Что?

— Это тренд. Люди смотрят, как режут мыло, как мнут slime, как раскладывают по цветам...

— Амир, ты серьёзно? Люди смотрят, как режут мыло? Моё мыло режет лук и плачет — это хотя бы полезно. Мыло — это... мыло.

— Дед, я не говорю, что это логично. Я говорю, что это работает.

— Что работает? Мыло?

— Алгоритм. Алгоритм продвигает видео, где есть эмоция или oddly satisfying. Плачущий повар — это эмоция. Процесс — это satisfying. Вместе — viral.

— Плачущий повар — это позор. Повар должен плакать только от лука. И не на камеру.

— Ладно. Прямая трансляция. Ты готовишь, люди смотрят в реальном времени, пишут комментарии, ты отвечаешь...

— Я готовлю и разговариваю с телефоном?

— Да.

— Готовить и разговаривать с телефоном — это как танцевать и считать деньги. Оба действия уважаемы, но одновременно — уродство.

Бахтияр, который до этого молчал, встал, потянулся и прыгнул со стола. Подошёл к миске, понюхал, поел. Потом вернулся и лёг. Молчаливый комментарий: «Еда есть — остальное неважно».

Дед посмотрел на кота и сказал:

— Вот. Бахтияр сказал всё. Еда есть — остальное неважно.

— Дед, если мы будем думать только о еде, у нас не будет гостей, которые будут её есть.

— Если мы будем думать о телефоне, у нас не будет еды, которую готовить.

Пауза. Чай остыл. Изюм подсох. Бахтияр храпел.

— Хорошо, — сказал дед. — Компромисс. Один рилс. Но я режу лук. Ты — снимаешь. И никаких фильтров. И Бахтияр — в кадре.

— Бахтияр не любит камеру.

— Бахтияр любит поесть. Если он в кадре, я даю ему баранину. Он согласится. Все соглашаются на баранину. Даже я. А я — принципиальный.

Бахтияр, услышав «баранина», впервые за утро повернул голову. Медленно. С достоинством. Как судья, который слышал убедительный аргумент. В его взгляде читалось: «Я

слушаю. Продолжайте. Подробности о баранине — в полном объёме, пожалуйста».

— Вот, — дед кивнул. — Он согласен. Видишь? Не нужен контракт. Нужна баранина. Это — честный переговорный процесс.

Глава 4. Первый рилс, или Как Бахтияр стал звездой

Съёмка началась в шесть утра. Воскресенье. На улице — минус три, серое небо, тишина. Внутри — казан, огонь, и три существа, которые не спали: дед (не спал, потому что готовил), Амир (не спал, потому что волновался) и Бахтияр (не спал, потому что была баранина).

Дед был в белом халате — не медицинском, а кухонном, старом, застиранном, с пятнами от масла, которые образовывали карту, похожую на Центральную Азию. Амир — в чёрной футболке «content is king, plov is emperor» (той самой, с маркетплейса). Бахтияр — в своём обычном: рыжая шерсть, достоинство, голод.

Камера — на штативе. Телефон — на режиме видео. Свет — от окна и от лампы, которую Амир поставил сбоку, потому что «нужен тёплый свет». Дед посмотрел на лампу и сказал: «Свет от казана — тёплый. Это лишнее». Амир не стал спорить. Убрал лампу.

— Камера, — скомандовал Амир. — Дед, начинай.

Дед посмотрел в объектив. Без улыбки. Без позы. Без «привет, ребята, подписывайтесь». Просто посмотрел, как смотрит на человека, который пришёл в чайхану первый раз: оценивающе, спокойно, с лёгким недоверием.

— Здравствуйте, — сказал дед. — Меня зовут Рустам. Мне семьдесят один год. Я готовлю плов пятьдесят лет. И сейчас я покажу вам, как это делается. Без трюков. Без неона. Без... — он покосился на Амира, — без фильтров. Только огонь, мясо и время.

Он помолчал. Молчание было таким, что Амир забыл, что снимает. Просто слушал.

— И кот, — добавил дед.

Бахтияр, который в этот момент сидел на стойке, повернул голову к камере. Прямо в объектив. С выражением, которое можно описать как «мне глубоко безразлично ваше существование, ваша камера и ваш интернет, но баранину я вижу, и это единственное, что имеет значение в этом мире».

Амир остановил запись. Посмотрел на деда. Посмотрел на кота.

— Дед, это было... идеально.

— Конечно. Я не актер. Я готовлю. Актерство — для тех, кто не умеет. Готовка — для тех, кто умеет.

— Нет, я про... Ты был естественный. Как... как настоящий.

— Я и есть настоящий. Это вы, SMM-щики, — ненастоящие. Ты видел мои руки? — он показал ладони. Шершавые, с мозолями, с ожогами от казана. — Это руки, которые готовят. А твои? — он показал на Амировы руки. — Это руки, которые печатают. Разница — как между пловом и рецептом плова.

Амир не стал спорить. Он загрузил видео. Без монтажа, без музыки, без фильтров. Просто дед, казан и кот. Шестьдесят восемь секунд. Самое длинное видео, которое Амир когда-либо публиковал без единого эффекта. Ему было физически некомфортно — как человеку, который привык к фильтрам и suddenly видит себя в зеркале без них.

Час — двести просмотров. Амир refreshил страницу раз двадцать. Дед смотрел и молчал. Бахтияр спал.

Два часа — пятьсот. Три — тысяча. К обеду — две тысячи. Амир перестал refreshить и начал читать комментарии.

Комментарии были:

— «Дед — это новый Гордон Рамзи, только без мата и с котом. Лучшая замена, имхо».

— «Бахтияр — лучший критик в кулинарии. Когда он отвернулся от казана, я затаила дыхание. Когда остался — я заплакала. Это драма уровня Шекспира, только с пловом».

— «Как зовут кота? Хочу назвать так сына. Жена против, но я настаиваю».

— «Этот дед готовит с таким лицом, будто весь мир должен ему денег. И, кажется, мир действительно должен».

— «Сделайте сериал. Дед + кот + казан = Голливуд».

— «Когда кот посмотрел в камеру, я почувствовал, что он меня осудил. И я заслужил это».

К вечеру — двадцать тысяч просмотров. Амир показал деду телефон. Дед взял его, надел очки (которые носил на лбу, как инженер), прочитал, хмыкнул и сказал:

— Двадцать тысяч людей посмотрели, как я режу лук.
Мир сошёл с ума.

— Дед, это только начало. Завтра наберёт сорок.

— Зачем? Чтобы сорок тысяч людей смотрели, как я режу лук? Я режу лук для плова, а не для публики. Но... если это помогает чайхане... ладно.

— Ладно — это «да»?

— «Ладно» — это «ладно». Не превращай это в «да», я не подписывал договор.

— Дед, завтра мы делаем лагман.

— Лагман? Ты умеешь делать лагман?

— Нет. Но ты умеешь. И Бахтияр будет пробовать первым.

Бахтияр, спавший на подоконнике, открыл один глаз. В нём читалось: «Лагман? Это лучше, чем плов? Если да — я в. Если нет — я отвернусь. И вы узнаете об этом. Все узнают».

Видео продолжало набирать просмотры. К утру понедельника — пятьдесят тысяч. Амир проснулся, посмотрел на телефон и не поверил. Потом посмотрел ещё раз. Потом ущипнул себя. Потом посмотрел ещё раз.

Пятьдесят тысяч. Половина — из-за кота. Вторая половина — из-за деда. Ноль — из-за Амира. Но он не обижался. Он наконец понял: лучший контент — это не тот, который ты создаёшь. Это тот, который происходит сам. Нужно просто не мешать.

Дед зашёл на кухню, посмотрел на Амира, который стоял

с телефоном и улыбался, и сказал:

— Ну? Сколько лайков у моего лука?

— Пятьдесят тысяч просмотров, дед.

— Пятьдесят тысяч. Хасан-ака в семьдесят втором году кормил пятьсот человек в день и не знал, что такое просмотры. А я нарезал лук — и пятьдесят тысяч. Мир сошёл с ума. Совсем.

— Дед, мир не сошёл с ума. Мир просто проголодался.

Дед помолчал. Потом:

— Ладно. Это... неплохо. Но не говори маме, что я в интернете. Она будет переживать.

Глава 5. Дина возвращается

Она пришла через два дня. Во вторник, в обед, когда в чайхане было пусто — дед отдыхал после обеденной смены, Амир сидел в правом углу и боролся с алгоритмом, который снова начал прятать его видео.

В тот же пальто. Но без спортивных — в джинсах и ботинках, которые выглядели так, будто знали, куда идут, и были этим довольны. Волосы собраны — небрежно, как будто она не собирала, а они сами решили. На шее — шарф, который был намотан так, что выглядел одновременно случайно и продуманно. Это был стиль человека, который не следует моде, а разговаривает с ней на равных.

— Плов был хорош, — сказала она, садясь в правый угол.
— Wi-Fi всё ещё только здесь?

— Как и моя личность. Локализован, но стабилен.

— Ты всегда так шутишь?

— Только когда нервничаю.

— И часто ты нервничаешь?

— Каждый раз, когда охваты падают. И когда красивые девушки садятся в правый угол.

— Красивые девушки? Во множественном числе? Смело.

— Это оптимизация. Я готовлюсь к масштабированию.

— Ты и сейчас говоришь как SMM?

— Я всегда говорю как SMM. Это... профессиональная

деформация. Как у врачей, которые всё называют диагнозами. Только у меня всё — контент, метрики и вовлечённость.

— И какова моя вовлечённость?

— Высокая. Вы пришли второй раз. Это retention.

— Или просто голод.

— Голод — это тоже мотивация. В маркетинге и в жизни.

Дина улыбнулась. Первый раз. Улыбка была короткая, как зелёный светофор, но достаточная, чтобы Амир перешёл улицу. Метафорически. Пока.

— Я Дина, — сказала она. — Я открываю рядом кофейню.

— Амир. Я здесь SMM, повар-стажёр, внук и носитель фартука «Я люблю чайхану».

— Богатый набор.

— Бедная зарплата.

— Кофейня открывается через неделю. Мне нужен SMM.

— У меня уже есть работа. Видишь, вон тот дед с половником — мой главный клиент. И единственный, кстати.

— Дед с половником — это кто?

— Рустам-ака. Хранитель казана. Главный по плову. Легенда, если верить комментариям. И единственный человек в городе, у которого есть кот-критик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.